

A child's drawing on a light blue background. In the top left corner, there is a bright orange sun with long, thin rays. Below the sun, there are two large, yellow handprints, one on the left and one on the right, with smaller yellow dots above them. The bottom half of the drawing is filled with green, brushy strokes representing foliage or grass. The text is overlaid on the drawing.

**Вадим
Кучеренко**

**Ветер
странствий**

18+

Вадим Иванович Кучеренко

Ветер странствий.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34716601

SelfPub; 2019

Аннотация

Жизнь и смерть, любовь и ненависть, встречи и разлуки, разочарование и очарование – все это есть в рассказах Вадима Кучеренко, которые, несомненно, следует отнести к жанру романтических приключений. Все атрибуты жанра налицо – штормящие моря, бури в пустыне, восхождения в горы и даже полеты к далеким звездам. Но есть и кое-что еще, что выделяет их из общего, привычного ряда. Это – вера в чудо в обыденной жизни. Без этой почти детской, пусть даже наивной веры, наша жизнь была бы намного хуже, скучнее, безнадежнее. Именно это и является основным лейтмотивом рассказов Вадима Кучеренко, вошедших в сборник «Ветер странствий».

«ПРИЮТ МОРЯКА»

В этом рейсе корабль изрядно потрепало. Ураган настиг его на полпути, в открытом море, и за несколько суток до изнеможения вымотал всю команду. Судно то почти ложилось на борт, пронзая пенные валы пикой флагштока, а то вдруг возносилось на самый гребень гигантской волны, уподобляясь Антею, оторванному Гераклом от питающей его силы земли. Уже борта дали течь, и помпы не успевали откачивать соленую воду из трюма, и впору было надевать чистые белые рубахи, когда ураган внезапно и совершенно необъяснимо потерял к ним интерес и ушел, крутя воронки, куда-то на восток, в сторону океана. Мгновенно море успокоилось, небо очистилось от туч, засияло солнце, и уже через час среди членов команды едва ли бы удалось найти хотя бы одного, желающего получить отпущение грехов перед свиданием с богом. До следующего шторма все снова превратились в ярых безбожников и богохульников.

Когда впередсмотрящий на фок-мачте увидел землю и возвестил об этом громким криком, которому мог бы позавидовать муэдзин, призывающий правоверных мусульман к молитве, моряки окончательно разуверились в провидении и в очередной раз прониклись несокрушимой верой в своего капитана.

– Да здравствует капитан Платов! – дружно и зычно кричали они, подбрасывая вверх свои зюйдвестки. – Слава ка-

питану Удача!

Корабль носил гордое имя «Удача». И человека, который вот уже много лет стоял на его капитанском мостике, все называли «капитан Удача». Но это была не просто игра слов, которая очень нравилась морякам. Антон Платов с честью это прозвище оправдывал. Он неизменно выходил победителем в поединках с самыми жестокими штормами, когда другие суда, не успевшие укрыться в порту, беспомощно просили о помощи, потеряв управление, или шли на дно. Кто-то приписывал это его редкостному чутью и умению предвидеть, другие – обыкновенному везению, суеверные – короткому знакомству с морской нечистой силой, но все сходилось на том, что выйти в море с капитаном Удача – все равно что прошвырнуться по городскому бульвару в ясный погожий денек, так же безопасно. Поэтому он никогда не испытывал недостатка в членах команды. Попасть на корабль «Удача» среди моряков на всем побережье считалось выгоднее, чем приобрести счастливый билет в лотерею.

Моряки ликовали, а Антон Платов, по своему обыкновению, оставался безучастным к всеобщему восторгу. Высокий, худощавый, в морском кителе, застегнутом на все пуговицы, являя собой живое воплощение порядка и дисциплинированности, он сосредоточенно рассматривал берег в подзорную трубу. Уже видны были портовые строения, причалы и корабли, на палубах которых загорали моряки, стыдливо белея своими еще зимними телами. Но капитан, возможно,

не находил того, что ему было нужно, и поэтому хмурился.

– Что загрустили, капитан? – спросил, подойдя, старший помощник. Артем Синицын был старше своего капитана, ему шел уже пятый десяток, он был грузен и солиден, но сейчас старпом улыбался, словно мальчишка, широко и беспечно. Ему явно передалось общее настроение команды.

Капитан пожал плечами. Ему не хотелось ни с кем разговаривать, но и обижать старпома молчанием, которое тот мог бы посчитать за упрек или недовольство, тоже казалось неправильным, поэтому он скупой бровью, меняя тему:

– Славный город, не правда ли?

– А какие здесь кабачки! – подхватил на лету боцман, замерший неподалеку в ожидании возможных распоряжений капитана. Широкогрудый и приземистый, он чрезвычайно походил на французского бульдога, сходства добавляли его слегка отвислые щеки. Все звали его просто Миша, иногда, исходя из негласной флотской иерархии, драконом – в зависимости от его настроения, добродушного или до тошно-придиричивого. Сейчас он, как и все члены команды, недавно спасшиеся от неминуемой, казалось бы, гибели, был немного не в себе от радости и поэтому очень словоохотлив. – Я могу поклясться, что самые лучшие в мире портовые кабачки – именно здесь, в этом городе. Что за мадеру в них подают! Бьюсь о любой заклад, что любой салага язык проглотит от удовольствия, отведав здешней мадеру.

– Миша, ты лучше расскажи про девочек, – подзадорил

его кто-то из моряков, окруживших камбуз в напрасной надежде выпытать у кока, какой десерт он подаст на обед, чтобы отметить удачное завершение рейса. – Какие они здесь?

Все заулыбались, зная, что теперь боцман разойдется не на шутку. Его слабостью, наравне с мадерой, были женщины, а, может быть, принимая во внимание количество потребляемой мадеры, только разговоры о них. Неискушенному и доверчивому слушателю могло показаться, что Миша знаком со всеми без исключения женщинами от шестнадцати до пятидесяти лет, населяющими все порты мира.

– Девочки! – произнес Миша, мечтательно улыбнулся и повторил, будто пробуя слово на вкус: – Девочки!

Неожиданно он разъярился и грозно, словно оправдывая свою драконью сущность, прорычал:

– Будь я проклят, если хоть слово скажу вам о здешних девочках. Ведь тогда вы, мелководные моллюски, слюной захлебнетесь, а я не враг вам. Нет, можете быть уверены – боцман Миша вам не враг, и никогда им не будет!

– Миша, а правду говорил наш кок, что есть в этом порту один маленький кабачок, хозяйка которого чихать на тебя хотела, хотя ты уже третий год вьешься вокруг нее, словно чайка над косяком селетки? – под общий сдавленный хохот продолжал неумолимо расспрашивать боцмана все тот же моряк. Он знал, что ему ничто не грозит, пока на палубе находится капитан – тот не допускал на корабле ссор и драк, строго карая провинившихся, – и пользовался случаем без-

наказанно повеселить товарищей.

– Лжет твой кок, как протухшая русалка, – опасливо косясь на капитана и тщательно подбирая выражения, ответил Миша. – Что я, совсем без головы? Нет, Миша голову на плечах имеет и себе цену знает. И сам себе не враг, нет! Да если бы я захотел, чтобы меня высушило, словно камбалу на солнце, от безответной любви – тогда я точно начал бы увиваться за той красоткой из «Приюта моряка». Но я себе цену знаю, и ей – тоже. Так вот, она мне не по карману!

– Это точно, – коварно поддержал его, выглянув из иллюминатора камбуза, кок, привлеченный либо смехом моряков, либо тем, что упомянули о нем всуе. Это был степенный мужчина, уже в летах, и когда он изредка выходил из тесного камбуза погулять по палубе корабля, то всегда держал в зубах трубку, которой он попыхивал на свежем воздухе в свое удовольствие. Табак он употреблял почему-то только испанский, забористый, но душистый, источающий аромат экзотических растений. Многие моряки постарше, пользуясь своей привилегией давней дружбы, просили его хотя бы разок затянуться трубкой, чтобы насладиться неизведанным ощущением, но всегда получали решительный отказ. – Ты, Миша, хоть все золото мира сложи к ее ногам, она на тебя и не взглянет.

– Это почему же, Александр Петрович? – даже кулаки сжал от незаслуженной обиды Миша.

Кок, в отличие от Миши, еще не забыл, что тот сравнил

его с протухшей русалкой, а потому решил поставить в разговоре победную точку. Но для этого ему пришлось выйти из камбуза и раскурить свою неизменную трубку. Однако, затянувшись, он неожиданно смягчился и уже мирно произнес:

– Да потому, Миша, что красotka эта может за последним в мире нищим пойти, если полюбит. А не полюбит – будь ты Крезом, или, к примеру, вот этим флаг-штоком, для нее все едино. Вспомни шкипера с «Быстроходного» – уж на что парень был не тебе чета, а и то ушел ни с чем.

Ссориться с коком на корабле не может позволить себе даже боцман.

– Да я разве спорю, Александр Петрович? – сказал Миша, сочтя за благо дать задний ход. – Я же и говорю – не моего поля ягодка, чтобы я перед ней глубину лотом мерил.

– Куда уж тебе, – покровительственно подтвердил кок. И, помолчав, он обронил, но так тихо, что расслышать его могли только те моряки, которые находились поблизости. – Знаю я того счастливчика, кому она свое сердце подарила. Да только он от подарка этого наотрез отказался.

Моряки взволновались и тесно обступили его, требуя не томить их и, коли уж заикнулся, рассказать все как есть. Александр Петрович солидно пыхнул пару раз трубкой, потом предостерегающе приложил палец к губам и таинственно кивнул в сторону капитанского мостика.

– Был я однажды свидетелем ее разговора с нашим капитаном, – начал он свой рассказ. – Стояли мы в порту, на-

бывали трюм грузом под завязку. Я вышел на палубу, выкурить законную вечернюю трубочку. Уже смеркалось. Все вокруг суетятся, мельтешат, явись сам святой Петр, покровитель моряков – никто и не обратил бы внимания. Но ее я еще издали приметил. Ни под какой шляпкой такую красоту не спрячешь, как ни пытайся. Длинные черные волосы блестят как вороново крыло, высокая, гибкая, резкая, что твоя танцовщица фламенко. Встречал я таких в Испании, в дни своей молодости. Не приведи бог встать на ее пути, а того хуже – полюбить...

Кок замолчал, задумавшись, и даже забыв о своей трубке. Моряки не торопили его, понимая, что ненароком человек затронул какие-то потаенные струны в своей душе, пробудил забытые, казалось, воспоминания, и прерви их – будешь наказан тем, что никогда не услышишь продолжение рассказа. Но немного терпения – и все вернется на круги своя. Так оно и случилось. Вскоре Александр Петрович выпустил душистое облачко дыма, а потом заговорил.

– Так вот, подкралась она к нашему кораблю, выждала момент и как кошка скользнула по трапу, а там напрямиком – в каюту капитана. Ждал он ее или нет – не знаю, врать не буду. Но сразу не прогнал, а значит, что-то такое промеж них было, к морской ведьме не ходи. Уж я-то нашего капитана знаю лучше, чем любой из вас, сосунки. Не потерпел бы он женщину на корабле ни единой минуты. А с этой добрых полчаса о чем-то говорил. Видел я, что свет настольной лампы

в иллюминаторе его каюты мелькает – стало быть, ходит он из угла в угол и что-то ей объясняет. А она прижалась к переборке и молча слушает, не перебивает. А это верный признак, что женщина любит без памяти. Слушала она его, слушала, потом молча развернулась и вышла из каюты. Бледная, несчастная, дрожит вся, того и гляди, чувств лишится. Я к ней было кинулся, поддержать, чтобы не упала, не дай бог, на палубе, и не осрамила наш корабль на все побережье. Но она меня оттолкнула, да так, что я едва сам на ногах удержался, сбежала с трапа и сгинула в темноте, словно и не женщина была, а дух, дуэнде.

Старый моряк смолк и сосредоточенно запыхтел трубкой.

– А капитан наш? – не выдержав, спросил боцман Миша. – С ним что случилось?

– Наутро утопился, – невозмутимо произнес Александр Петрович, выпустив облачко дыма. – Или ты забыл?

Вокруг раздались смешки. Однако боцман не унимался.

– Не знаешь, так и скажи, – презрительно усмехаясь, подначил он кока.

Уловка удалась. Александр Петрович пренебрежительно фыркнул, но удовлетворил его любопытство.

– С того вечера наш капитан в «Приют моряка» ни ногой. Раньше был завсегдатай, а сейчас обходит этот кабачок за милю. Да только я-то вижу, чего это ему стоит. С лица спал, ни разу не улыбнулся. Однако держится. Уж такой он уродился. Настоящий моряк. Для него корабль – дом родной, а

море – жена. И по-другому никогда не будет. Потому он и капитан Удача. А изменит морю с земной женщиной – все, кончилась его удача, в первый же шторм пойдет корабль на дно или что хуже случится. Море – оно ревнивое, измен не прощает. Недаром в испанском языке слово «море» – женского рода...

Кок помолчал и с убеждением, которое заставило дрогнуть в томительном предчувствии очерстевшие сердца столпившихся вокруг него моряков, проговорил:

– Так что не забываете, ребята, молиться о том, чтобы наш капитан не сошелся с той красавицей. Остальные-то ему не страшны, не такой он человек, чтобы размениваться.

Моряки взволнованно загудели, осмысливая сказанное.

– О чем это они говорят, не догадываетесь? – спросил старший помощник, кивнув на беседующих моряков.

Капитан опустил подозрную трубу и пожал плечами.

– Наверное, решают, в какой портовый кабачок пойдут, когда сойдут на берег, – высказал догадку сам старпом. – А что бы вы посоветовали, Антон Иванович?

– «Приют моряка», – сухо обронил капитан. Снова начал рассматривать берег в подозрную трубу. И когда старпом, сочтя разговор исчерпанным, уже собирался уйти, желая присоединиться к команде, Платов неожиданно добавил: – Я и сам думаю зайти в этот кабачок. Может быть, даже сегодня вечером.

Но сказано это было очень тихо, словно капитан разгова-

ривал сам с собой. Поэтому старпом не расслышал и переспросил:

– Что вы сказали, капитан?

Капитан не ответил. Задумавшись о чем-то, он даже не слышал вопроса. И старпом ушел.

Волны мерно бились о борт корабля, слегка покачивая его, словно детскую колыбель. Сытые чайки лениво взлетали с поверхности моря и сразу же опускались, равнодушные ко всему на свете. Солнце сияло, предвещая погожий теплый вечер.

К кораблю подошла шлюпка с лоцманом. Свободные от вахты моряки радостно предвкушали, как они сойдут на берег и разойдутся по портовым кабачкам в поисках развлечения и любви. Они много и охотно говорили о том, что произойдет с ними в этот вечер, и как это отразится на их дальнейшей жизни.

А с небес на них взирал Господь Бог и смеялся.

ПРОЛИВ СМЕРТИ

– Море, море, – недовольно пробурчал старик. – А что ты знаешь о нем, о море-то, мальчишка? Про настоящее, я говорю, когда берегов и в самую дальнюю трубу не увидишь, ветер в сто узлов и волны до небес...

«Мальчишке», которого отчитывал старый моряк, было на вид никак не меньше тридцати пяти. И уж совсем нельзя

было о нем сказать, что он не видел моря – слишком явный след оно оставило на его лице и руках, основательно продубив кожу морской солью и шквалами. Но даже тени обиды не мелькнуло в его синих, как море в ясную погоду, глазах.

Они расположились на открытой террасе крохотного деревянного одноэтажного дома, в котором жил старик, и откуда открывался замечательный вид на порт и прилегающую к нему акваторию. С утра упорно дул прохладный бриз, приятно освежающий летом, но мало кому доставляющий удовольствие на исходе осени. Старик, закутанный в теплое одеяло, почти утонул в массивном вольтеровском кресле, однако, опираясь головой о его высокую спинку, он мог бы дотянуться рукой до грубо сколоченного из не струганных досок стола, на котором стояла бутылка мадеры. Но ему не приходилось делать лишних усилий. Его гость, который некогда и подарил ему огромное глубокое кресло, а сейчас принес бутылку, периодически наполнял и, привстав со старого плетеного стула, на котором удобно сидел, подавал старику стакан с густым темно-вишневым напитком. Чем ниже был уровень жидкости в бутылке, тем словоохотливее становился хозяин дома.

– Я тебе говорю, Антон, – продолжал старик, – что ты никогда не поймешь, что такое моря, пока не переживешь десятка ураганов – тех, когда мачты клонятся к самой поверхности воды, и, по крайней мере, одного кораблекрушения. И чтобы тебя не сразу вытащили из воды, как намокшую соба-

чонку, а дали бы помокнуть денек-другой в этой адской купели. Вот тогда и рассуждай, что такое море, и сколько в нем соли на квадратную милю.

Сам старый морской волк на своем долгом веку пережил не меньше десятка катастроф, а на берегу ему за всю свою жизнь никогда не удавалось провести более месяца кряду. Этим обстоятельством он очень гордился и часто вспоминал в разговоре.

Впрочем, слово «разговор» применительно к дяде Егору – под этим именем он был известен по всему побережью, – употреблять можно было с большой натяжкой. Потому что слушать других он не любил, и любая беседа с его участием длилась лишь до той поры, пока слушали его. В противном случае старик замолкал, начинал зевать или просто отворачивался к стене и издавал громкий храп, показывая всем своим видом полное пренебрежение собеседником. Дядя Егор рассуждал так: ему ли мог кто-то рассказать что-либо новое и интересное о море и морских делах! А других тем для разговора он не признавал. Ничего другого в его жизни просто никогда не было.

– Ты помнишь, как старая скорлупка «Фортуна» раскололась надвое, словно орех под щипцами, возле Мыса надежды? – увлекшись, старик попытался переменить позу в кресле, чтобы иметь возможность жестиковать, и Антон помог ему, подложив под спину подушку. Дядя Егор нетерпеливо оттолкнул заботливые руки и продолжал. – Она была

вся из дерева и легкая, как пушинка, и обе ее половинки долго еще торчали из воды, не хотели идти на дно, на вечный покой. А на них, словно куры на шестке, примостилась вся команда «Фортуны», от юнги до боцмана, включая, конечно, и самого капитана. Вот смеху-то было!

Антон так часто слышал от дяди Егора о том кораблекрушении, первом, и потому особенно памятном для старика, что ему иногда казалось, будто он видел все собственными глазами. Но он никогда не говорил об этом вслух.

– Мы просидели так двое суток, пока нас не подобрал проходивший мимо бот, – старик на мгновение примолк, исчерпав тему. Но не в его обычае было упускать инициативу в разговоре, и он, осушив вовремя поданный ему стакан, сразу же начал новый рассказ. – Но это что, это разве было кораблекрушение? Так себе, тьфу! Уйма народа кругом, все молоды и веселы, будто рома наглотались, а не собираются пойти на корм акулам. Известно, когда есть товарищ, то и смерть не так страшит. Когда один – вот где настоящий страх. Особенно ночью. Помню, смыло меня однажды во время шторма с палубы «Инфанты», уж и не знаю как. Волна накрыла судно и утащила меня за собой, да так по пути приложилась, что в глазах моих все померкло и дух из меня почти вон. Очнулся уже в море. Держусь за спасательный круг, а откуда он взялся – до сих пор ума не приложу. Болтаюсь, как поплавок, вокруг темень, и то и дело вместо воздуха глотаю соленую волну. А потом вдруг море стихло, и вода на тысячу миль вокруг

начала светиться, будто кто ее поджег в глубине, и пламя отражается на поверхности. Красоты такой никогда потом не видел... Но недолго я восторгался. Чувствую, кто-то в ноги мои тыкается, ровно щенок несмышленный носом. Я думаю – вдруг укусит? И кричать страшно, кто его знает, кто на крик из глубины выплывет, а главное, зачем... В общем, пока утра дождался, когда «Инфанта» за мной вернулась – вечная память ее капитану, хороший был человек, заботился о своей команде ровно о собственных детях, сейчас таких нет, и не спорь, – так чуть не отдал богу душу со страха. А все почему? Молод был, моря не знал, доброе оно или злое, и что в нем и почему происходит. Сейчас-то я бы уже не испугался...

Старик закричал, засопел, заворочался в своем кресле, словно пытался встать. Но быстро изнемог и снова откинулся на подушку. Болезнь его называлась старость, и бороться с ней у дяди Егора сил уже не осталось. Однако он никак не хотел с этим мириться и часто повторял: «Вот, как встану и схожу еще раз в море – тогда уж наступит вечный штиль для моих парусов». Но, кроме него, никто давно уже в это не верил. Старик, большую часть своей жизни проведя в рейсах, семьи так и не завел. Как он сам порой говорил, женат был на море, а от него дети не рождаются. Впрочем, была когда-то одна девушка на примете, но не дождалась, вышла замуж за грузчика в порту. Профессия не такая романтическая, как моряк, зато для семейной жизни более подходящая. А потому дядя Егор ее никогда и не осуждал. Дожи-

вал свой век в одиночестве, в стареньком домике с видом на море, на покупку которого ушли почти все его сбережения. Но того, что осталось, ему хватало на то, чтобы не умереть с голоду. Большого ему было и не надо. С того дня, когда дядя Егор, по его собственному выражению, «бросил намертво якорь на берегу», жизнь потеряла для него всякий смысл. Он не жил, а доживал, и если бы не заветная мечта о последнем морском походе, не пережил бы, наверное, и недели сухопутного существования. Иногда его навещали друзья, оставшиеся из прежней, морской жизни, но все реже и реже. Помочь по хозяйству раз в неделю приходила какая-то дальняя родственница, а может быть даже, и внучка той самой девушки, которая не вышла когда-то за него замуж, но не разлюбила, и завещала заботиться о нем своим детям, внукам и правнукам. Сам дядя Егор имел об этом слабое представление, да особо и не выяснял, прекрасно помня события полувековой давности и напрочь забывая то, что случилось вчера. На этом обрывались все его контакты с внешним миром.

Антон все это время слушал, не перебивая, старика, понимая, что он уйдет, и дядя Егор, оставшись в привычном одиночестве, снова поневоле погрузится в молчаливые воспоминания о прошлом. Но сейчас он воспользовался короткой паузой и спросил:

– Дядя Егор, а что ты знаешь о Проливе смерти?

– Да все, – старик вдруг сразу успокоился, весь обратившись в слух и внимание. – А что ты хочешь узнать о нем?

– Прошел ли через него благополучно хотя бы один корабль в сезон осенних штормов?

– Нет, – уверенно, даже не задумываясь, заявил дядя Егор. – Ни один и никогда. За всю мою жизнь – а прожил я, мальчишка, по меньшей мере втрое против твоего, – я не слышал ни от кого про такое. Все они шли на дно. Сами ли, или утаскивало их невесть какой неведомой силой, уж и не знаю. И никто не ведает. Просто корабль вдруг теряет плавучесть, и все тут. Даже обломков кораблекрушения потом не находят. Одно скажу – это за пределами человеческого понимания.

– А ты сам пробовал?

– Еще бы, – ответил старик, но в его голосе уже не было прежних хвастливых ноток, в нем сквозило неподдельное уважение к тому гиблому для кораблей месту, которое все на побережье называли Проливом смерти, даже не вспоминая об официальном, помеченном на картах, названии. – Остался жив чудом. Один из всей команды. И то потому только, что, когда началось непонятное, и корабль наш вдруг начал трещать по всем швам, будто его кто-то разрывал на части, и все, словно обезумев, стали метаться по палубе, я заранее привязал себя концом к мачте намертво, да анкерок с водой и несколько сухарей припас. Так с неделю и носило меня по морю, пока он, этот чертов пролив, мной не наигрался и не выбросил на берег, миль за двести от места крушения. Я уже и сам был, что та мачта, обтянутый кожей скелет, без ума и

без памяти. Но выжил. Правда, с тех пор и начал слепнуть – то ли головой ударился, то ли морская соль глаза разъела. И, как я теперь понимаю, это была еще малая плата, которую взял с меня Пролив смерти за подаренную мне жизнь. Потом, когда оклемался, я еще порядком походил в моря, только в пролив этот зарекся ходить, сколько бы денег мне не сулили...

Дядя Егор в дни своей молодости считался самым отчаянным и удачливым моряком на всем побережье. О нем рассказывали множество захватывающих дух историй, которые и сейчас еще были живы, но порядком поросли мхом и перешли в разряд так называемых морских баек. Их охотно слушают, но в них мало кто верит. Но Антон не сомневался, что старик не врет. Одно время, с четверть века тому назад, он даже ходил юнгой на корабле, где дядя Егор был капитаном, и не понаслышке знал о его мужестве и человеческой порядочности. Тогда он был убежден, что старый капитан самый неустрашимый человек из всех, кто с сотворения мира когда-либо бороздил моря. С тех пор он вырос и многое переосмыслил. Но по-прежнему считал дядю Егора своим крестным отцом, породнившим его с морем.

– После этого я зарекся проходить Проливом смерти, – повторил старый моряк. Он сжал свой невесомый сухонький кулачок и погрозил кому-то неведомому. – Будь он проклят! Сколько морских душ загубил... Нет, лучше обойти его стороной, потерять время и деньги, но дойти до порта назначе-

ния.

– Верно, – коротко подтвердил Антон.

Но что-то в его голосе заставило старика насторожиться. Уже давно старческая немощ научила его распознавать истинные помыслы людей, которые они пытались скрыть за лживыми словами.

– Антон, мальчишка, – голос старика дрогнул. – Что ты задумал?

– Ничего, старина, – скупно улыбнулся тот. – Просто мне интересно было поговорить с тобой о море. Мне никогда не узнать его так, как знаешь ты. По-настоящему.

– Когда ты идешь в рейс? – спросил старик и даже повернулся к нему тем ухом, что лучше слышало, опасаясь не слышать ответ.

– Скорее всего, завтра. Осенние шторма и так порядком задержали меня в порту, а на борту скоропортящийся груз. Не бывало еще такого, чтобы я не выполнил контракт и не доставил груза в срок.

– Ты пойдешь через Пролив смерти? – старик даже охрип от внезапной догадки.

Антон постарался улыбнуться как можно убедительнее, когда отрицательно качал головой. Но старый моряк не видел его улыбку, а услышав его скупое «нет», догадался верно.

– Антон, мальчишка, – старик вдруг поперхнулся от волнения и, преодолевая кашель, прохрипел: – Ты должен взять меня с собой, слышишь? Ты должен!

Голос старика был почти умоляющим. Антон опустил голову, чтобы скрыть невольно подступившие к глазам слезы. Горло ему сдавила невидимая властная рука, и он какое-то время не мог произнести ни слова.

– Мальчик мой! – продолжал взволнованной скороговоркой, словно опасаясь не успеть сказать все, что хотел, старый моряк. – Я помогу тебе, слышишь? Я помню все, будто это было вчера. Мы прошли Проливом смерти дальше всех, кто пытался когда-либо его пройти в сезон ураганов. Я потому тогда и сумел выкарабкаться, что пролив уже почти выпустил нашу шхуну из своих смертоносных лап.

Голос старика дрогнул и совсем стих. Договаривал он почти шепотом.

– Я должен еще раз попробовать. В последний раз выйти в море...

Голова дяди Егора бессильно откинулась на спинку кресла, и незрячие глаза устремились в дощатый потолок террасы. Но не покрытые известкой доски видел старый слепой моряк – а бескрайнее море, и вздымающиеся на его поверхности валы, похожие на женскую грудь, взволнованно и глубоко вздыхающую в приливе чувств...

Слеза капнула на руку Антона и обожгла ее, будто была раскаленной. Он резко поднял голову, одним решительным жестом вытер глаза ладонью и сказал:

– Хорошо, старина. Готовься! Завтра, в крайнем случае, через два дня, мы выходим в море.

Он легко поднялся с жалобно заскрипевшего стула и, не слушая благодарных слов старика, ласково погладил дядю Егора по сухонькому плечу, не решаясь поцеловать его в жесткую и впалую небритую щеку, так как тот не любил подобного проявления чувств, называя их «бабскими» и недостойными моряка. Быстро пошел с террасы. Только ступив на лестницу, ведущую с террасы вниз, к подножию холма, на котором был построен дом, оглянулся на миг – и если бы старый моряк мог видеть, то он угадал бы по его дрогнувшим губам невысказанное слово «прощай». Но он не видел, и тем более не смог расслышать того, что не было произнесено вслух.

Не видел старик и того, что через два часа корабль с красивыми и гордыми обводами выходил из порта, единственный из множества судов, замерших у причалов в ожидании хорошей погоды. Старый моряк спал. И снилось ему море, которое на всем побережье по-настоящему знал он один.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Они сидели в больших и удобных вольтеровских креслах на открытой веранде пансионата, расположенного на самой вершине горы, загорали под жарким южным солнцем и, как обычно, спорили.

– Послушай, Иван, а если там... нет разума? Для чего ты тогда живешь?

– А какой смысл в твоей жизни, Мария?

– Я космический разведчик. Отыскиваю и осваиваю планеты, богатые природными ресурсами. Это надо, даже необходимо для всех землян, учитывая, что Земля уже почти истощена предыдущими поколениями. Но Международный совет по контактам и взаимоотношениям с внеземными цивилизациями... Длинно-то как, а нужно ли?

– Мария, ты слишком практична. Но еще много тысяч лет назад древним людям было известно – не хлебом единым жив человек. Человечеству точно так же, как полезные ископаемые, необходим и контакт с инопланетными разумными существами. Даже сама мысль об одиночестве землян во Вселенной нестерпима. Мы должны найти Разум. Каждый уходящий день приближает Апокалипсис. Однажды Земля умрет, и это неизбежно, но раса землян должна выжить. А для этого ей надо встретить...

– Стоп! – предостерегающе подняла руку Мария.

Иван осекся на полуслове, невольно и почему-то охотно подчиняясь повелительному жесту девушки. В наступившей тишине они услышали рокот бьющихся о скалы морских волн, который иногда перекрывал крик чаек. Чайки летали над водой, предвещая непогоду и, может быть, даже шторм.

– Ты поднял слишком много проблем, Иван, – сказала Мария. – Все это верно, я не спорю. Но вообще-то я задала тебе не тот вопрос. Ты не понял. Представь, что мы, то есть земляне, одиноки во Вселенной...

– Что ты такое говоришь! – чуть ли не с ужасом перебил ее Иван и даже сделал попытку подняться на ноги. Стоя он чувствовал себя более уверенно. Отстаивать свою точку зрения полулежа было непросто и по-своему даже смешно.

Но Мария укоризненно покачала головой, и он сник, снова опустился в кресло. Тогда она, улыбнувшись, продолжила:

– Или... Пойми, это тоже только гипотетическое предположение! Имей мужество его выслушать, не перебивая... Или наша Земля настолько отдалена от другой планеты с населяющими ее разумными существами, что нам с ними будет просто невозможно встретиться, поскольку космическое путешествие может продлиться миллионы лет. Ведь Вселенная бесконечна, с этим не поспоришь даже ты...

– С этим я не спорю, – буркнул Иван. – Однако...

– Но тогда..., – неумолимо прервала его опять Мария. – Извини, но тогда твой Институт исследований внеземных цивилизаций не нужен, он просто бесполезен. И, выходит, дело всей твоей жизни – чепуха на постном масле, как говорили наши древние предки. В таком случае – тебе не страшно?

Иван протянул руку и взял со столика, стоявшего между ними, бокал с холодной водой, жадно выпил его до дна. Вытер губы ладонью. Насупился. Опустил глаза, чтобы не встречаться с обычно пронизательным, а сейчас еще и сочувственным взглядом Марии, подумал и сказал:

– Страшно? Да, признаюсь, иногда бывает. Ведь даже в том случае, что контакт с внеземным разумом будет возможен, лично я едва ли смогу дожить до него – жизнь человеческая слишком коротка. Но я верю в то, что это произойдет, со мной или без меня. И эта вера помогает мне. Я живу этой верой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.